

Глава 2 «Калабалык»

Карл XII употреблял все усилия на то, чтобы разрушить Прутский мир – раз уж ему не удалось его предотвратить. В какой-то мере три последовавшие друг за другом с перерывом в год-другой непродолжительные «войны» между Россией и Османской империей были его работой, хотя отчасти виноват был и Петр, не желавший отдавать Азов и выводить войска из Польши. Многообещающая возможность представилась королю в ходе третьей из этих войн, объявленной турками в октябре 1712 года. Тогда огромная османская армия была сосредоточена в Адрианополе под личным командованием султана. Ахмед III, во исполнение плана совместной военной операции, согласился отправить Карла XII на север, в Польшу, в сопровождении значительных турецких сил, чтобы король мог соединиться с новым шведским экспедиционным корпусом под началом Стенбока. Но когда Стенбок высадился в Германии, он пошел на запад, а не на юг и в конце концов попал в осаду в крепости Тённинг. Карл остался королем без армии, и султан, поразмыслив о весьма зыбких возможностях завоевать Россию в одиночку, решил, что лучше заключить мир и вернуться к своему гарему.

Итак, к зиме 1713 года Карл XII пробыл в Турции уже три с половиной года. При всем мусульманском гостеприимстве, турки порядком от него устали. Он и вправду «тяжким бременем лег на плечи Высокой Порты». Султан хотел прочного мира с Россией, а интриги Карла этому никак не способствовали. Словом, так или иначе нужно было отослать короля домой. На том и порешили.

Из этого решения вырос заговор. Татарский хан Девлет-Гирей, поначалу горячий почитатель Карла, изменил свое отношение, когда король отказался примкнуть к турецкой армии в ее Прутском походе. И теперь хан вступил в сношения с польским королем Августом и разработал план, согласно которому предлагал выделить шведскому королю сильный эскорт татарской конницы, будто бы для того, чтобы помочь Карлу пересечь Польшу и вернуться на шведскую территорию. Выступив в путь, эскорт станет постепенно уменьшаться – части отряда под разными предлогами будут отсылаться прочь. На территории Польши их встретят крупные польские силы, и ослабленный эскорт «вынужден» будет сдаться и выдать шведского короля. Тем самым каждая из сторон извлечет свою выгоду; турки избавятся от Карла, а Август его получит.

Но на этот раз удача улыбнулась Карлу. Его люди, переодетые татарами, перехватили гонцов и доставили королю в Бендеры переписку между Августом и ханом. Карл узнал, что и хан, и бендерский сераскир замешаны в заговоре, а султан, судя по всему, – нет. Долгие годы Карл пытался выбраться из Турции, но теперь твердо решил не ехать. Он попробовал связаться с Ахмедом III, чтобы известить его о заговоре, но обнаружил, что всякое сообщение между Бендерами и югом перекрыто. Ни одно из посланных им даже окольными путями писем не достигло цели.

На самом деле султану самому не терпелось отделаться от Карла, но он разработал другой план. 18 января 1713 года он приказал тайно увезти короля – если понадобится, то и силой, но не причиняя ему вреда, – и доставить в Салоники, где посадить на французский корабль, который отвезет его домой в Швецию. Впрочем, Ахмед не думал, что придется применять силу. Он и не подозревал о замысле крымского хана и еще меньше – о том, что Карл в курсе дела. Это сплетение тайных замыслов, отрывочных сведений и недоразумений породило из ряда вон выходящий эпизод, известный в истории под турецким названием «калабалык» – «кутерьма».

* * *

Шведский стан в Бендерах сильно изменился за три с половиной года. Вместо палаток появились постоянные казармы, расположенные рядами, как в военном лагере; у офицеров были застекленные окна, у простых солдат – затянутые пергаментом. Король жил в большом,

новом, красиво обставленном кирпичном доме, который вместе со зданием канцелярии, офицерскими казармами и конюшней образовывал полуукрепленную площадь в центре лагеря. С балконов верхнего этажа Карлу открывался прекрасный обзор всего шведского стана и облепивших его кофеен и лавчонок, где шведам продавали сушеный инжир, спиртное, хлеб и табак. Это селение, прозванное Новыми Бендерами, было крохотным шведским островком, затерянным в турецком океане. Но океан этот не был враждебен. Янычары из полка, приставленного сторожить короля, следили за ним восхищенными глазами. Перед ними был как раз такой герой, какого отчаянно недоставало Турции. «Будь у нас такой король, разве не пошли бы мы за ним куда угодно?» – говорили они.

Но несмотря на это дружественное расположение, когда в январе 1713 года пришел приказ султана, атмосфера вокруг шведского лагеря начала сгущаться. Офицеры Карла смотрели с балконов, как тысячи татарских всадников прибывали на подмогу янычарам. Против этой силы Карл мог выставить меньше тысячи шведов и ни одного союзника. Поляки и казаки, номинально подчиненные Карлу, при виде такого скопления турецких; войск потихоньку удалились и передались под турецкую руку. Карл, не теряя присутствия духа, принялся готовиться к отпору; его люди стали запасать провиант на шесть недель. Чтобы укрепить отвагу шведов, Карл как-то раз в одиночку проехал невредимым сквозь татарское войско, стоявшее наготове, «так тесно столпившись со всех сторон, точно органные трубы».

29 января Карла предупредили, что назавтра состоится штурм. Всю ночь он со своими солдатами пытался соорудить стену вокруг лагеря, но земля замерзла и рыть ее оказалось невозможно. Тогда они возвели баррикады из телег, возов, столов, скамеек, забив промежутки кучами навоза. На следующий день произошел один из самых удивительных казусов в европейской военной истории. Это потрясающее событие прогремело по всей Европе, слушатели недоверчиво качали головами, но, конечно, в ту пору никто не знал, что Карл имел в виду оказать лишь видимость сопротивления, – ему нужно было только расстроить заговор с целью похитить его и выдать в Польшу. Не сумев известить об этом заговоре султана, он рассчитывал своим отпором вынудить хана и сераскира отойти, выждать и обратиться за новыми указаниями к своему повелителю, Ахмеду III.

* * *

«Калабалык» начался в субботу, 31 января, когда турецкая артиллерия дала первый залп по импровизированной шведской крепости. Двадцать семь ядер попало в кирпичный дом короля, но пороховые заряды оказались слишком слабыми, и обстрел причинил мало вреда. Для штурма были стянуты тысячи турок и татар. «Целая толпа татар приблизилась к нашей траншее и остановилась в трех-четырех шагах от нее – зрелище устрашающее, – писал один швед, участник событий. – В десять утра появилось несколько тысяч турецкой конницы, затем из Бендер подоспело еще несколько тысяч пеших янычар. Всех их построили в боевые порядки, как будто собирались вот-вот дать команду к наступлению».

Итак, штурм был подготовлен, но почему-то не состоялся. По одной версии, турецкие солдаты не желали нападать на шведского короля, которым восхищались, и потребовали, чтобы им предъявили письменное распоряжение султана. Другой рассказ гласит, что пятьдесят или шестьдесят янычар с одними только белыми посохами в руках подошли к шведскому лагерю и умоляли Карла отдаться в их руки, причем клялись, что ни один волос не упадет с его головы. Карл будто бы отказался и пригрозил: «Если они не уйдут прочь, я подпалю им бороды», – и тогда все янычары, побросав оружие, заявили, что штурмовать не будут. Наконец, существует история, что перед самым штурмом над домом Карла встали три радуги, одна над другой. Изумленные турки отказались идти в атаку, говоря, что сам Аллах хранит шведского короля. Скорее же всего, сераскир и хан нарочно разыграли обстрел и сосредоточили войска, чтобы припугнуть Карла и заставить подчиниться, не применяя силы. Так или иначе, турецкая армия стояла молча и неподвижно, канонада прекратилась, и наконец ряды солдат расстроились.

Следующим утром, в воскресенье 1 февраля, шведам открылась удручающая картина: «Собралось такое великое множество басурман, что когда мы поднялись на крышу королевского дома, то конца им не было видно». Красные, синие и желтые флажки реяли над застывшими в ожидании рядами турок, а на холме позади них развевалось огромное красное знамя, «поднятое в знак того, что они будут теснить шведов до последней капли крови». Потрясенные этим зрелищем, некоторые из шведских солдат и младших офицеров, не ведая, что все это только игра и на самом деле им не грозит стать жертвами резни, начали по одному просачиваться через баррикады, чтобы перейти под защиту турок. Карл, дабы укрепить их мужество, велел трубачам трубить, а барабанщикам бить в барабаны на крыше его дома. Чтобы пресечь дезертирство, он передал всем своим людям обещание – и угрозу: «Его величество обещает всем, от высших до низших, кто продержится с ним еще два часа и не перебежит, что они будут награждены самым милостивым образом. Но всякого, кто перебежит к неверным, король больше никогда не пожелает видеть».

Так как день был воскресный, король зашел в свой дом на молебен и мирно слушал проповедь, когда раздался оглушительный грохот пушек и свист ядер. Шведские офицеры бросились к окнам верхнего этажа и увидели, как толпы турок и татар с саблями в руках бегут к их лагерю с криками «Аллах! Аллах!». Шведские офицеры на баррикадах закричали своим солдатам: «Не стрелять! Не стрелять!» Несколько человек успели выстрелить из мушкетов, но большинство защитников баррикад быстро сдалось. Эта капитуляция, даже при полной безнадежности сопротивления, так непохожа на обычное поведение шведских солдат, что позволяет с большой долей уверенности говорить о существовании королевского приказа избегать кровопролития.

Судя по всему, хан и сераскир, со своей стороны, сделали аналогичные распоряжения. Хотя «туча стрел» обрушилась на лагерь шведов, в цель попало немного. Ядра или «перелетали через королевский дом, не нанося ущерба», или, выпущенные с минимальным количеством пороха, просто отскакивали от стен.

Но, хотя поначалу обе стороны, может, и намеревались скорее разыграть сражение, чем сразиться всерьез, трудно бывает сохранить мирный характер пьесы, в которой по-настоящему палят из пушек, стреляют из мушкетов, а мечи вынуты из ножен. Очень скоро страсти разгорелись – и полилась кровь. Шведы в большинстве своем едва сопротивлялись, так что турки толпами устремились в королевский дом и принялись его грабить. Большой зал дома заполнился солдатами, хватавшими, что под руку попадется. Такого оскорбления Карл вынести уже не мог. В бешенстве, со шпагой в правой руке и с пистолетом в левой король распахнул дверь и с горсткой шведов ворвался в зал. Противники разрядили друг в друга пистолеты, и комнату заволочло густым пороховым дымом. В клубящейся мгле шведы и турки, задыхаясь и кашляя, схватились в рукопашной. И, как это обычно бывало на поле брани, мощный натиск шведов возымел действие; к тому же внутри дома численность шведов и турок оказалась более-менее одинаковой. Скоро зал и весь дом были очищены от нападавших, последние турки выскакивали из окон.

В этот момент один из драбантов Карла, Аксель Росс, огляделся и не увидел короля. Он обежал весь дом и обнаружил Карла в камергерской, «в окружении троих турок – руки у него были подняты вверх, в правой он еще держал шпагу... Я застрелил турка, стоявшего спиной к двери... Его Величество опустил руку со шпагой и насквозь пронзил второго турка, я же не замедлил выстрелом свалить замертво третьего. „Росс, – прокричал король сквозь дым, – это ты меня спас?“»

Когда Карл и Росс, переступя через тела убитых, приблизились друг к другу, у короля кровоточили нос, щека и мочка уха, где его задело пулями. Левая ладонь была глубоко рассечена между большим и указательным пальцем – король отвел от себя турецкую саблю, голой рукой схватившись за вражеский клинок. Карл с Россом присоединились к остальным шведам, которые успели вытеснить турок из дома и теперь палили по ним из окон.

Но скоро турки подкатили пушки и начали расстреливать дом почти в упор. Ядра разрушали каменную кладку, но толстые стены пока держались. Карл наполнил шляпу

мушкетными пулями и обходил дом, распределяя запасы пороха и боеприпасов между солдатами, занимавшими позиции возле окон.

Начали сгущаться сумерки. Турки поняли, что бессмысленно штурмовать дом с неполной сотней защитников силами 12-тысячной армия, особенно имея приказ не убивать эту сотню. Они решили применить иную тактику, чтобы выманить шведов из укрытия. Татары-лучники прикрепили к стрелам горящую солому и пустили их в крытую дранкой крышу королевского дома. Одновременно янычары гурьбой подбежали к углу дома, свалили там охапки сена и соломы и подожгли их. Шведы пытались отпихнуть пылающие вязанки железными прутьями, но их отогнали меткие татарские лучники. Через несколько минут запылала вся крыша. Карл с товарищами бросился на чердак, чтобы попробовать одолеть огонь снизу. Они шпагами стали сбивать дранку с крыши, но огонь распространялся быстро. Ревущее пламя охватило балки и заставило короля и его людей отступить вниз по лестнице, укрыв кафтанами головы от палящего жара. На первом этаже измученные солдаты пили водку, и даже короля, не меньше других истомившегося от жажды, уговорили выпить стакан вина. Впервые за тринадцать лет с тех пор, как он покинул Стокгольм, Карл прикоснулся к спиртному.

Тем временем горящая дранка проваливалась с крыши внутрь на верхние этажи и огонь разгорался и сильнее. И вдруг остатки полусгоревшей крыши разом рухнули, и вся верхняя половина дома превратилась в огненное жерло. Тут некоторые из шведов, не видя никакого смысла в том, чтобы сгореть заживо, предложили сдаться. Но король, сильно возбужденный, возможно, выпитым с непривычки вином, отказался уступать до тех пор, «пока на нас не загорится одежда».

Но все же им явно нельзя было оставаться в доме. Карл согласился на предложение всем перебежать в здание канцелярии, стоявшее в пятидесяти шагах и еще не тронутое огнем, и там возобновить сопротивление. Турки, наблюдавшие за пожаром, гадали, жив ли еще король, изумляясь, как могут люди уцелеть в эдакой печи, и вдруг увидели, как Карл со шпагой и пистолетом выскочил из дома во главе маленького отряда шведов и побежал, выделяясь четким силуэтом на фоне пылающего здания. Турки бросились следом, началась настоящая погоня. К несчастью, когда Карл поворачивал за угол дома, он зацепился ногой за собственную шпору – шпор он никогда не снимал – и растянулся во весь рост.

Прежде чем он успел подняться, турки уже настигли его. Один из спутников Карла, лейтенант Аберг, своим телом прикрыл короля от турецких клинков, но получил удар саблей по голове, и его, истекающего кровью, оттащили прочь. Два турка навалились на короля, стараясь вырвать у него шпагу. Тут-то Карл и получил самую серьезную рану в тот день: своей тяжестью турки сломали ему две кости в правой ступне. Но туркам было не до того: они принялись срывать с него камзол – тому, кто доставит живым шведского короля, было обещано шесть дукатов, а в доказательство требовалось предъявить королевский камзол.

Несмотря на боль в ступне, Карл поднялся на ноги. Других повреждений ему не нанесли. Шведы, бежавшие за ним следом, увидели, что король сдался, и немедленно прекратили сопротивление. У них тут же отобрали часы, деньги и срезали с одежды серебряные пуговицы. У Карла шла кровь из носа, в крови были щека, ухо и рука, ему опалили брови, лицо и одежда почернели от пороха, сам он весь пропах дымом, а от камзола остались одни лохмотья, но он сохранял свой обычный невозмутимо-беззаботный и едва ли не довольный вид. Он выполнил то, что собирался, и сумел продержаться не два, а целых восемь часов. Удовлетворенный, он позволил доставить себя в дом бендерского сераскира. Сераскир был очень любезен и просил простить его за недоразумение, приведшее к стычке. Карл присел на тахту, попросил воды и шербета, отказался от предложенного ужина и сразу же уснул.

На другой день Карла и всех, кто дрался бок о бок с ним, под охраной отправили в Адрианополь. Видевшие его в пути были удручены этой картиной. Джеффрис писал в Лондон: «Не могу выразить вашему превосходительству, как опечалило меня это зрелище, ведь я видел этого принца на вершине его грозной славы, а теперь узрел падшим так низко,

что турки и неверные презирали и осмеивали его». Другие, однако, считали, что Карл выглядел бодрым, «в столь же прекрасном расположении духа, как в дни удачи и свободы». Еще одному очевидцу он показался таким довольным собой, «будто все турки и татары теперь ему подвластны». Действительно, своей цели он достиг: после сражения такого масштаба хан и сераскир уже не смогут втихую увезти его в Польшу.

Как ни забавно, на следующий день после «калабалыка» в Бендеры поступил новый приказ султана, отменявший прежнее разрешение применить силу для захвата Карла. Посланец султана предстал перед королем с клятвенными заверениями, что «его великий повелитель совершенно непричастен к этим ужасным замыслам».

В Адрианополе Карла приняли с почестями и поселили в величественном замке Тимурташ, где он пролежал много недель, пока не зажила нога. И хана, сераскира в наказание за «калабалык» сместили с их постов. Три месяца спустя Османская империя вступила в четвертую краткосрочную войну с Россией. Так что акция Карла оказалась со всех точек зрения его временным успехом.

«Калабалык» потряс Европу. Некоторые расценивали происшедшее как героический подвиг Карла: подобно легендарному витязю, король сразился с несметными ордами противника. Но многие видели в этом чистое безумие. Так-то король отплатил султану за гостеприимство! К числу последних принадлежал и Петр, сказавший, когда он услышал эту новость: «Вижу теперь, что Господь оставил моего брата Карла, если он посмел напасть на своего единственного друга и союзника и тем разгневать его».

И в самом деле, действительно ли это было такое уж славное дело? На первый взгляд сотня шведов с мушкетами, пистолетами и шпагами отбились от 12 000 турок со всеми их пушками. Ходившие по Европе историки живописали, как турки падали налево и направо и как горы тел вырастали перед домом короля. На деле же с турецкой стороны было сорок убитых, а шведы потеряли двенадцать. Но и этих потерь можно было избежать, ведь янычары проявляли большую сдержанность. Если бы турки не ворвались в дом Карла и не начали разнузданного грабежа, то большинство из погибших осталось бы в живых. Правда состояла в том, что «калабалык» был инсценировкой, обернувшейся кровавой стычкой, а разыграл ее из политических соображений сам Карл, чтобы его не увезли из Турции и не сделали бы пленником. Помимо всего прочего, игра эта увлекала Карла, и он не дал ей вовремя остановиться: ведь уже больше трех лет ему не случалось драться; он пережил прутское унижение, а тут наконец он снова взял шпагу в руки. «Калабалык» произошел потому, что Карл любил пьянящий восторг боя.

После «калабалыка» Карл пробыл в Турции еще год и восемь месяцев как гость султана, жил в замке Тимурташ с великолепным парком и прекрасными садами. Прошло многу недель, прежде чем кости его ступни полностью срослись, но только через десять месяцев он смог ходить и ездить верхом. Тем временем события в Европе развивались стремительно. В апреле 1713 года с подписанием Утрехтского договора наконец-то завершилась двенадцатилетняя война за Испанское наследство. Победителей в ней не было. Внук Короля-Солнце Филипп Анжуйский (Бурбон) сидел на испанском троне, как хотел Людовик XIV, но владения Франции и Испании, согласно условиям мирного договора, были тщательно разделены. Людовику, которому был семьдесят один год, оставалось прожить всего два года, а Франция была разорена войнами. Еще один претендент на испанскую корону, Карл Габсбург, занял теперь другой престол – он стал императором Священной Римской империи после смерти своего старшего брата в 1711 году.

В эти годы Россия и Турция наконец заключили постоянный мир. После Прута и трех последовавших за ним бескровных войн Петр все-таки отдал Азов и вывел войска из Польши. Турки стремились к миру: окончание войны в Западной Европе высвободило австрийскую армию для возможных действий против Турции на Балканах, и султан хотел развязать себе руки. 15 июня 1713 года был подписан Адрианопольский договор, установивший мир на двадцать пять лет.

В сущности, из-за этого договора Карл XII и не смог дольше оставаться в Османской империи. Турки, дававшие убежище королю в течение четырех лет, теперь помирились с его врагами. Поэтому Карлу, хочешь не хочешь, приходилось уезжать. На континенте царил мир, и путь через Европу был для него открыт. Правда, ехать через Польшу, как он намеревался сначала, Карл не мог, потому что на троне сидел его враг Август. Но зато дорога через Австрию и Германию не сулила никаких неприятностей. К тому же новый австрийский император Карл VI мечтал, чтобы шведский король вернулся в Северную Германию. Тамошние князья готовились поглотить все шведские провинции в составе Священной Римской империи. Император же предпочитал, чтобы сохранялся статус-кво и достигнутое равновесие не нарушалось. Поэтому император не только согласился на проезд Карла по территории империи, но и настаивал, чтобы король посетил Вену и был официально принят. Карл отклонил второе условие; он хотел, чтобы ему разрешили проехать без каких-либо формальностей и официальных почестей. Он заявил, что в случае отказа примет приглашение Людовика XIV отправиться домой на французском корабле. Император согласился.

Карл решил путешествовать инкогнито. Если мчаться на лошадях во весь опор, то можно опередить слухи и прибыть на балтийские берега раньше, чем Европа узнает, что он покинул Турцию. В конце лета 1714 года Карл начал упражняться, тренировать себя и лошадей, готовясь к долгим дням в седле. К 20 сентября он собрался в путь. Султан прислал прощальные дары: великолепных лошадей и шатры, седло, украшенное драгоценными камнями. В сопровождении почетного караула турецкой кавалерии король со 130 шведами, находившимися при нем со времен «калабалыка», проследовал на север через Болгарию, Валахию и карпатские перевалы. В Питешти, на границе Османской и Австрийской империй, Карла с его маленьким отрядом встречали шведы, остававшиеся в Вендорах после «калабалыка». За ними тянулись десятки кредиторов, решивших следовать за королем через всю Европу в надежде, что, как только король ступит на землю Швеции, он сможет наконец заплатить им все, что должен. Пока эта группа подтягивалась, Карл еще усерднее гонял своих лошадей: скакал на них вокруг столбов, брал барьеры на полном скаку, свесившись с седла, поднимал с земли перчатку.

Когда собрались все шведские изгнанники, образовался отряд в 1200 человек и почти 2000 лошадей со множеством повозок. Такой поезд поневоле двигался бы медленно и привлекал всеобщее внимание. Карлу же хотелось проехать как можно быстрее и избежать не только лап саксонских, польских и русских агентов, но и обременительных чествований своей особы со стороны протестантов империи – они до сих пор смотрели на шведского короля как на своего героя. А посему король решил ехать один.

Кроме скорости, Карл рассчитывал на маскировку. Поскольку его аскетические привычки были известны всей Европе, один из членов его свиты пошутил, что королю, чтобы сделаться абсолютно неузнаваемым, следует надеть придворный завитой парик, останавливаться в самых дорогих гостиницах, пить без меры, заигрывать с каждой девицей, проводить большую часть дня в домашних туфлях и спать до полудня. Так далеко заходить Карл не пожелал, но отрастил усы, надел темный парик, коричневую форму, шляпу с золотым галуном и обзавелся паспортом на имя капитана Петера Фриска. Было решено, что он с двумя сопровождающими поскачет впереди основного каравана как авангард, посланный вперед готовить лошадей и квартиры для королевского поезда, следующего за ними. А в основном отряде находился офицер в костюме Карла, в его перчатках и с его шпагой, в чьи задачи входило изображать короля. По дороге один из спутников Карла отстал, так что король Швеции пересек Европу с одним-единственным сопровождающим.

Чем дальше он ехал, тем сильнее становилось его нетерпение. Он останавливался ненадолго на почтовых станциях – в Дебрецене в Венгрии, в Буде на Дунае, – но нигде не задерживался дольше часа. Он редко ночевал в гостиницах, а предпочитал провести ночь пассажиром скорой почтовой кареты, свернувшись на соломе на полу подпрыгивающего экипажа. Так, галопом, он и неся через Регенсбург, Нюрнберг, Кассель – на север. Ночью 10

ноября караульный у городских ворот Штральзунда, в шведской Померании, на Балтике, услышал настойчивый стук. Он открыл ворота и увидел фигуру человека в большой шляпе, надвинутой на темный парик. Один за другим были призваны все старшие по команде, пока в четыре утра не встал, ворча, с постели комендант Штральзунда и не отправился проверить ошеломляющее донесение: после пятнадцатилетнего отсутствия шведский король вновь вступил на шведскую территорию.

Путешествие Карла стало очередным его невероятным деянием; за неполных две недели король промчался от Питешти в Валахии до Штральзунда на Балтийском море, преодолев расстояние в 1296 миль. Из них 531 милю он проехал в почтовых каретах, а остальные – верхом. Средняя скорость его движения составила свыше ста миль в день, а в последние шесть дней и ночей, между Веной и Штральзундом, когда прибывавшая луна помогала путнику, освещая дорогу, скорость была еще выше: Карл покрыл 756 миль за шесть суток. По пути он ни разу не раздевался и не разулся; когда он добрался до Штральзунда, сапоги пришлось разрезать, иначе их нельзя было снять с ног.

Это знаменитое путешествие поразило воображение европейцев. Снова шведский король совершил нечто выдающееся и непредсказуемое. В Швеции новости были восприняты с «неописуемым восторгом». Через пятнадцать лет случилось чудо: король вернулся! Может быть, несмотря на все несчастья, обрушившиеся на шведов за последние пять лет, начиная с Полтавы, он сумеет теперь как-нибудь все исправить? По всей Швеции служили благодарственные молебны. Но зато в других странах молниеносный бросок Карла в Штральзунд вызвал скорее тревогу, чем желание возблагодарить Господа. Король-воитель опять стоял на шведской земле, и, по-видимому, следовало ожидать от него каких-нибудь новых курбетов. И те, кто уже давным-давно воевал с ним – русский царь Петр, Август Саксонский, Фредерик Датский, и те, кто присоединился к ним в надежде разделить плоды победы – Георг Людвиг Ганноверский и Фридрих Вильгельм Прусский, несколько растерялись в связи с таким неожиданным поворотом событий. Но для того, чтобы Карл мог одолеть многочисленных врагов, объединившихся против него, одного геройства было мало.

Хотя и в Европе, и в Швеции предполагали, что Карл после своего путешествия сразу сядет на корабль и вернется на родину, он опять обманул все ожидания. Передохнув немного, он вызвал портного, чтобы тот снял мерки для новой формы – простой синий камзол, белый жилет, штаны из оленьей кожи, новые сапоги, – а затем объявил, что намерен остаться в Штральзунде, последнем оплоте Швеции на континенте. В этом была своя логика. Штральзунд, самая мощная шведская твердыня в Померании, наверняка подвергся бы атаке врагов, постепенно стягивавшихся к владениям шведов. Самолично возглавив оборону Штральзунда, король мог отвлечь противника от замысла пересечь Балтику и ударить по Швеции. К тому же Карлу представлялся случай понюхать пороху.

Он потребовал из Швеции свежих войск и артиллерию. Совет, не в силах противиться приказу теперь, когда король находился на шведской территории и был так близко от дома, наскреб для обороны города 14 000 солдат. И в точности как предвидел Карл, летом 1715 года прусско-датско-саксонская армия появилась у стен Штральзунда. Она насчитывала 55 000 человек.

Единственным спасением осажденного города было морское сообщение со Швецией. До тех пор пока шведский флот мог доставлять продовольствие и боеприпасы, у Карла был шанс не допустить падение крепости. Но 28 июля 1715 года подошел датский флот. Вражеские эскадры усиленно обстреливали друг друга в течение шести часов, и наконец обе, сильно потрепанные, были вынуждены кое-как добраться до дома и встать на ремонт. Однако шесть недель спустя датский флот, усиленный восьмью большими британскими военными кораблями, появился снова. Шведский адмирал, сославшись на неблагоприятный ветер, остался в гавани.

Морская коммуникация была пресечена, и падение Штральзунда стало неизбежным. Сначала датские войска захватили остров Рюген недалеко от Штральзунда. Карл наведалься туда с отрядом в 2800 солдат, атаковал и попробовал выбить из окопов 14 000 датчан и

пруссаков. Атаку отразили, король был ранен в грудь мушкетной пулей на излете, но не серьезно – и шведские войска покинули остров. Осада тянулась всю осень, причем Карл постоянно подставлял себя под пули на суше и на море³. В конце концов 22 декабря 1715 года оборона была прорвана и город пал.

За несколько минут до капитуляции гарнизона король покинул город в маленьком открытом суденышке. Двенадцать часов его матросы сражались с зимним морем, пробиваясь через плавающие льды и, пытаясь добраться до шведского корабля, который ожидал в отдалении от берега, чтобы увезти короля в Швецию. Это наконец удалось, и два дня спустя, в четыре часа утра 24 декабря 1715 года, через пятнадцать лет и три месяца после своего отъезда, король Швеции в темноте и под ледяным дождем ступил на родную землю.

³ Однажды, решив произвести рекогносцировку вражеской позиции с моря, Карл взял маленький гребной ялик, на котором рулевым служил корабельный мастер по имени Шмидт. Когда лодка подошла к пруссакам на расстояние мушкетного выстрела, на нее обрушился шквал пуль. Шмидт припал к самому дну лодки; тогда Карл встал во весь рост и помахал противнику правой рукой. В него не попали, и когда он достаточно посмотрел на вражеские позиции, то приказал Шмидту править в безопасное место. Понимая, что вел себя не лучшим образом, Шмидт пытался оправдываться: «Ваше величество, вообще-то я не рулевой, а корабельный плотник вашего величества, и мое дело днем строить корабли, а ночью плодить детей». Карл добродушно заметил, что, посидев у руля, тот наверняка не утратил способности ни к тому ни к другому.